

Глава первая, в которой Леда едет домой

Вечером Леду лишили ножниц, а утром она отправилась домой.

Не было никаких громких слов, никаких церемоний, никаких клятв — только молчание, такое оглушающее, что она не стала даже поднимать взгляд.

Бесполезные ножницы забрали прямо со столика, на который несколько недель назад в спешке свалили содержимое ее карманов и сумки, а также часть оторванного подола. Засохшая кровь на темной ткани казалась частью узора, и Леда поймала себя на том, что ищет в нем скрытые смыслы, — как в детстве, когда в каждом разводе на деревянных досках таились волшебные звери, далекие земли и страшные лица. Тени мастера и кого-то незнакомого — в бордовой форме с металлическими значками, блеск которых Леда поймала краем глаза, — мельтешили на стенах, потолке и покрывале. И на темных Лединых руках тоже, но на них

она старалась не смотреть: ни когда меняли бинты, ни когда мастер мрачно объявил, что в Цехе для нее больше нет места.

Тогда она подумала, что ее отстранят от работы, но позволят остаться. А может, и ничего не подумала: ясно Леда помнила только боль, и боль эта словно сама не понимала, что же должна из себя представлять. Леду бросало в холод, потом в жар; ей казалось, что ее не существует, а после — что она *повсюду*. Леда была сплошной болью. Леда не чувствовала ничего. Леда не смотрела на свои руки, потому что если посмотреть... если посмотреть, то все станет чересчур реальным.

А теперь пейзаж за окном подпрыгивал, теряясь в дожделивом горизонте, и Леда подпрыгивала и терялась вместе с ним.

Она никогда не думала, что вернется домой. Хотя нет, это не совсем правда: порой она представляла, как въезжает в крошечный родной городок на украшенной светильными камнями карете со столичными вензелями. В видениях среди высыпавших ей навстречу жителей не было тех, ради кого она могла бы вернуться. Остались ли они тут, зажатые границами ожиданий и наследия? Или тоже попытались вырваться? Леда надеялась, что их попытки оказались куда удачнее. В конце концов, она уехала из Инезаводи не из-за людей. Не только из-за них.

Вышло все, конечно, не так. Леда ехала домой в обычном почтовом экипаже, не окруженном охраной и не украшенном Цеховым гербом. До родного побережья оставалось совсем немного: дорога сообщала об этом без слов. На выезде из Крылатых Врат Двужилья, города с ближайшим транспортным шпилем, к которому пришвартовывались и речные, и воздушные корабли, экипаж лишь

слегка покачивало — главные дороги недавно подправили перед приходом наследников. А тут, в краю серых полей и песка, тракты совсем забыли о своих обязанностях. Леду словно несло по грозovým волнам, и это было... это действительно походило на возвращение домой.

Но Леда все еще не верила, что возвращается.

Она не верила, когда проснулась рано утром в углу Этажа Рассечений, скинула тоненькое одеяло и потянулась. Не верила, выбегая в мастерскую, чтобы поставить чайник. Не верила, закалывая свои черные волосы перед зеркалом, где отражалось усталое лицо, расцвеченное солнечными лучами в бронзу. Не верила, смотря на город, который никогда не спал: на извилистые улочки и широкие проспекты — такие, чтобы разминулось несколько Паучьих Экспрессов и прошли громоздкие парадные платформы; на серебро реки, лезвием упирающейся в горизонт; на разноцветные крыши, которые по-своему пытались повторить морские бури, и на башню воздушных кораблей, над которой изредка полыхали искры. Леда не поверила в свой скорый отъезд, даже не найдя значка, который каждый день прикрепляла к форме. Ей очень нравился сам процесс и выбиваемый застежкой звук — такой особенный, очень важный, полный обещаний «щелк».

Вера покачнулась, когда мастер взял Леду за плечо, — ему пришлось привстать на цыпочки, хотя человеком он был немаленьким, — и аккуратно отвернул ее от покрытых защитными рунами столов и ряда полусонных подмастерьев. Им, кстати, стоило ответственнее подходить к работе: если не вставать с зарей, то хотя бы не дожидаться, пока мастер

пройдет меж рядов цветных циновок, посрывает со всех одеяла и многозначительно хмыкнет.

Мастер Цеха не был мастером слов. С его профессией этого и не требовалось. Леду это устраивало: там, где многие задавали вопросы — что и стоило делать, тут они были правы, — она в основном молчала. Не потому, что ей было нечего сказать или спросить, а потому, что за мастером достаточно было наблюдать, и тогда «как» понималось само собой, а «зачем»... Если бы Леда не знала ответа, она бы и не поднималась, чтобы поймать первые лучи солнца. Не смогла бы ловить магические *нити* пальцами. И никогда бы не обожглась собственными ножницами.

Конечно, Леда не думала, что обо всем забудут. Она ожидала, что ее перестанут выпускать на Этаж Сделок, где они попеременно следовали за мастером тенью и впитывали премудрости общения с клиентами. Или лишат второго завтрака. Или поставят к Гобелену Тысячи Причин, такому пыльному, такому старому и такому проклятому, что его держали в отдельном чулане, изредка предпринимая слабые попытки разобраться в его проблеме. Кажется, этот Гобелен висел здесь с тех пор, как сам мастер был подмастерьем. А может, и того дольше.

На самом деле Леда *знала*. Почувствовала в ту ужасную секунду, когда нить задержалась. Она словно стала леской, а сама Леда — рыбаком, случайно зацепившим добычу не по силам, но даже с горе-рыбаками случаются чудеса. Если верить Рыбным послушникам, скрывающимся в тени Города-Грозди, то рыбакам чудеса даже *положены*. Может, если бы Леда остановилась хоть раз и преклонила колени перед накорябанной углем в подворотне рыбкой, она бы

не провела несколько недель в темноте, чувствуя ритм собственного сердца в пальцах и ожидая рассвета.

Кровать, на которую уложили Леду, стояла в нише, подальше от любопытных глаз. Восходящее солнце она видела узкой полоской на потолке. Эта полоска таяла почти сразу; была ли она здесь вообще? К Леде заходили люди, но их фигуры тонули в пламени боли. Они что-то спрашивали, и Леда отвечала, хрипя, потому что горло казалось выжженным угольным колодецем. В ее нишу вливалось море: оно было соленым, и солнце разбивалось о его волны самоцветами. Море тоже говорило с ней — спрашивало, шептало, умоляло, — но Леда, как ни старалась, не могла отозваться.

После, когда лава лихорадки сменилась тяжестью, Леда пыталась отличить сон от реальности, и у нее неважно это получалось. Башни Цеха стояли так высоко и далеко от моря, что оно никак не могло сюда пробраться. В отличие от влажных западных ветров... Может, они и приносили ей шепотки с верхних ветвей Домдрéва?

Ножницы забирали в первый же вечер, но Леда не спрашивала зачем. Это ведь было вполне очевидно: она все еще чувствовала кожей обжигающие изгибы металла, из которого выточили ее инструмент. На ножницах наверняка осталась не только кровь. Понятно, почему тогда их унесли, не дожидаясь согласия, — Леда сомневалась, что была способна выдавить из горла хоть слово. Шептать она начала только через пару дней, когда очередной несчастный первопосвященный, которого приставили к ней в этот час, чуть не опрокинул на Леду чашу с водой. Она не помнила, о чем спросила, но ясно помнила блеск очищенных ножниц на столике у кровати. Леда думала, что их вернули, потому что под крышами Цеха никого не разлучали

с инструментами без согласия. Потом она поняла: ее взгляд падал на ножницы каждое утро, и она отворачивалась, чувствуя, как пульсируют пальцы и как заходится сердце. Сломанные ножницы были ее наказанием.

О том, что запрет появляться в Цехе не временный, Леда узнала за несколько минут до того, как мастер проводил ее до дверей. Стоило гордиться хотя бы этим — не каждый ученик удостоивался таких проводов. И неважно, что Леда предпочла бы остаться.

Она не знала его имени — Цеховые мастера именами не раскидывались, в случаях крайней необходимости прикрываясь прозвищами. Их звали просто «мастерами», а для уточнения прибавляли специальность, или элемент одежды, или — как с одной из немногих мастериц — манеру речи. Мастерица Ругань не только не стыдилась прозвища, но даже поощряла его употребление. Что не мешало ей частенько испытывать новеньких, грозно хмуря брови, когда те умудрялись так к ней обратиться.

Леду провожала не Ругань, хотя это было бы почти поэтично. Леду провожал мастер Бражник. Его прозвали так за любовь к насекомым конструктам и тончайшей работе: он управлялся с самыми ничтожными, почти невидимыми нитями так искусно, что главным в Цехе его считали по праву. Не официально, конечно, но даже мундирные Когти из Корпусов обращались сразу к нему. И вся ситуация с Ледой тоже легла на его плечи: он сообщил ей плохие новости, и он же проводил до двери.

— Мы так и не выяснили, кто это был, — уже на улице ответил он на Ледин невысказанный вопрос. — В этом ты сработала на славу.

Леда не стала спрашивать, почему он вдруг решил поделиться этим, — их разделял порог, и мастер больше не отвечал за Леду. Она лишь посмотрела на свои затянутые в перчатки руки.

Если бы она *сработала на славу*, у нее не отобрали бы ножниц. И будущего.

Мастер Бражник протянул руку — взгляд Леды невольно зацепился за блеснувшие на его поясе ножницы — и осторожно коснулся ее левой ладони.

— Я не знаю, что заставило тебя это сделать. — Он поднял голову, потому что иначе с Ледой разговаривать не получалось почти ни у кого. — Но сомневаюсь, что деньги. Остаются самоуверенность, любопытство или...

Он мог бы не договаривать. Леда и сама это знала — или, по крайней мере, надеялась глубоко в душе. Она не стала бы играть со смертью, просто проверяя, справится ли с вызовом. Но если бы ее попросили — отчаянно, достаточно для того, чтобы всколыхнуть и ее любопытство, и уверенность в собственном мастерстве...

Она сработала на славу, но ошиблась. Ее ладони были тому доказательством, ее изгнание — тоже. Как и тот факт, что она не могла перестать думать о несчастной нити судьбы, которую не удержала — или все-таки удержала? — в руках.

— Не делай глупостей, — мастер Бражник подался вперед, и Леда чуть склонила голову. — К тебе приходил Коготь.

Мастеру Бражнику не стоило утруждать себя и поднимать бровь, но он все равно это сделал. Леда и без того поняла, чем это могло грозить.

Измененная судьба — загадка похлеще Гобелена Тысячи Причин. Если все пройдет, как должно — как в древних записях, о которых стараются лишний раз

не рассказывать, — то кто-то получит то, о чем мечтают многие. Новое начало. Мир забудет о нем — целиком и полностью, — и он волен будет сам вершить свою судьбу.

Конечно, проверить, удавалось ли это кому-то прежде, не представлялось возможным. Даже если и так, то никто бы об этом не вспомнил. Но о чем мир не забывал — так это о ритуалах, которые пошли наперекосяк. В неумелых руках нить чужой судьбы могла сотворить множество разрушений. Леда сдержала ее, рвущуюся на свободу и изломанную, насколько смогла, — об этом напоминали ее руки. Но что случилось с тем, кого она забыла? Что случилось с тем, кого забыл, благодаря ей, весь мир?

— Ты точно ничего не помнишь?

Леда возненавидела мастера за вопрос, раз за разом повторявшийся все эти недели. Леда ничего не помнила. Ничего, кроме того, с какой силой впивались в ее запястья нити, с которыми она решила потягаться. Ничего, кроме того, что она об этом не жалеет. Ничего, кроме того, что она надеется... Она надеется, что испортила только собственную судьбу. Собственное будущее.

Она помотала головой. Бражник вздохнул.

— Мне правда жаль. Но ты знаешь, что будет, если ты появишься на пороге Цеха снова, — произнес он, а потом добавил шепотом: — Я бы на твоём месте следил за насекомыми.

И наконец, он закрыл дверь перед самым Лединым лицом.

А ведь какое-то мгновение она надеялась услышать другое. Что распутать нити — проще простого; что Цеховые мастера уже все исправили; что все это если не недоумение, то не самая большая беда. Не что-то страшное,

не то, о чем складывают темные сказки, полные павших городов, ослепленных героев и чудовищ, позабывших собственные имена.

Леда сделала глубокий вдох, поправила воротник и повернулась спиной к единственному дому, который знала вот уже почти семь лет.

В Городе-Грозди оставалось лишь одно место, куда она могла отправиться. И так уж вышло, что там было полно насекомых.

Заниматься конструктами разрешалось только под надзором мастеров, потому неудивительно, что по всем механодепо столицы ютились тайные проекты Цеховых учеников. Леда не была исключением: ее Алетэя ждала своего часа под одной из безымянных ветвей Домдрева.

Конструкция скорпиона была не особо дружелюбной. Хотя то же когда-то говорили о механогах, которые теперь превратились в будничный транспорт, рассекающий улицы и потолки столицы от заката до рассвета. Леда начала со скорпиона, потому что ее завораживали панцири на музейных фэрлодских выставках. Закончить не успела: у Алетей заплетались ноги, зато жало работало на славу — если продать ее на запчасти, то можно выручить достаточно, чтобы отправиться... а куда могла теперь отправиться девочка, мастерство которой таилось в изувеченных руках? Не могла же она остаться здесь? Здесь все дышало будущим, которого у нее больше никогда не будет. И не могла же она оставить того, в чью судьбу вмешалась?

Внизу, на улицах среди Цеховых башен, Леду облепили тени и не отпускали до самого Домдрева.

Оно выросло на юго-востоке, соревнуясь по грандиозности с корабельным шпилем и иглами собора Ткачей, пробивающими облака. Ветви раскинулись над Всесветным рынком и многочисленными ремесленными закутками, а корни расстелились под всеми улицами. Жители знали: нельзя гневать Домдрево, иначе однажды оно взроет тротуары, и снесет дома, и останется одиноким обитателем города, который даже имя свое получил из-за него.

Леда знала, что Домдрево — постройка искусственная, но, несомненно, искусная: оно выросло на равнине из камня, стекла и нитей — таких старых, что они превратились в горные породы, неотличимые от окаменевших ветвей. Если и было доказательство мощи Цеха более великое, чем Домдрево, то Леда о нем не знала.

Цех все еще спорил о том, кто создал Домдрево. Последователи Ткачей, конечно, говорили, что это был один, а то и двое из них — измученные скитаниями и жаждущие тени, они сотворили это чудо, вокруг которого раскинулись потом извилистые районы-Грозди. Корона поддерживала эту версию — неофициально, конечно. Под сводами парящего над Домдревом дворца вообще происходило много чего неофициального: все знали о работающих там мастерах, но немногие видели приходящие от них схемы. Однажды Леда углядела одну такую: нити на ней пронизывали механизм, подозрительно похожий на человеческую руку. Мастерница Ругань тут же как бы между делом накрыла схему учетными книгами, но Леда не переставала думать об увиденном несколько дней. В городе ходило много слухов о тайных лабораториях, где собирали механических людей и сплетали нити, которые никогда не должны быть сплетены. До Леды докатывались рассказы и о том, что

Благие Когти ловили таких подпольных мастеров. Потому Цех и следил так пристально за теми, к кому попадали выкованные из небесного железа ножницы. Однако если у мастеров Цеха в самом деле получится сшить механику с плотью, то это поможет сотням людей. Магические протезы, подумать только! А вот о том, что сделает с такими знаниями королева Города-Грозди, думать не хотелось.

Для многих она была сияющим маяком прогресса. Она правила стальной хваткой — казалось, в Городе-Грозди, да и за его пределами, не происходило ничего, о чем королева бы не знала. Министры боялись ее — и Лилитель Блюмень, формально отвечающий за работу Цеха, больше всего. Леда слышала, как они с мастером Бражником обсуждали постройку новых корабельных шпилей на севере страны и как дрожал голос Блюменя, когда речь зашла о королевских ожиданиях.

Королева была прекрасной и требовательной и всегда повторяла, что интересы страны для нее на первом месте. Прекрасны были и ее дети: младшие походили на набор кукол, которые поворачивали голову туда, куда им указывали, и делали то, что должно. В народе шептались: одну из принцесс продали в Затонувшие Залы. Парочку принцев отправили как дань в далекий туманный Агор. Леда слушала об этом, ища на Всесветном рынке новые запчасты, и думала о подпольных мастерах и марионетках. Королева напоминала Леде ее дядю.

В королеву верили так, как верят в то, что справедливость всегда восторжествует. Леда знала кое-что о справедливости — и о том, что это самый мифический на свете концепт. А впрочем, под ветвями Города-Грозди собралось множество народов, верящих в самое разное. Кто-то верил

в Ткачей. Кто-то — в Рыбного бога. А кто-то — в то, что однажды все закончится и начнется вновь, когда проснет-ся дремлющий Каменный дракон. Ведь россыпи горных цепей, разделяющих континент, не просто так получили имена вроде Хребта, и Хвоста, и Лап, и Крыльев — согласно некоторым книгам, это были окаменевшие останки колоссального дракона. Леда встречала карты, где по всему Хребту тянулась золоченая надпись «Каменный дракон», и каждый раз фыркала, едва это завидев. Леда верила в то, что видела — и что когда-то могла потрогать. Не было для нее бога более великого, чем нити, из которых ткалась магия.

Дороги в этой части города петляли, словно побеги вихрь-травы. Народу с утра было немного: каменный лорд из-за Хребта спешил с явно незаконной сделки, позвякивая чем-то под огромным коричневым плащом; несколько молодых гонцов перекачивали бочки — то ли с запчастями, то ли с рыбой. Жизнь в Нижних ветвях Домдрева кипела ночью, и Леда старалась не вспоминать свой первый визит сюда.

Депо встретило ее проржавевшей вывеской. Металл покрывала зелень, которая уже начала зацветать поразительной россыпью белых бутонов. Весна приходила в столицу рано, хотя ветра ее разбивались о ворота и прокатывались по стенам, с трудом пробираясь наверх. Здесь, под нижними ветвями Домдрева, было темно и жарко — в основном из-за ремонтников, которые то и дело клацали перчатками.

— Лёдушка! — раздалось откуда-то сверху.

Она сделала шаг назад. Как раз вовремя: перед ней тут же свалился высокий джентльмен, одетый в затертый

побежалостями* фрак. Из половинки цилиндра выглядели белые, словно тронутые далекой зимой, волосы. Приятный цвет нескольких отдельных прядей напомнил Леде о днях, когда вода у пристани была спокойна и в ней удавалось разглядеть ракушки и мелких рыбок. Странно, обычно Жоррар предпочитал куда более кричащие оттенки.

Жоррар — единственный из знакомых Леды, кто мог потягаться с ней в росте, и то если привстанет на цыпочки. Впрочем, он был одним из двух столичных знакомых Леды, которые вообще знали ее имя. Так что похвастать было особо нечем.

Жоррар был вытянутым, худощавым и темным — таким темным, какими бывают только выходцы из-за Сломанного рога. При первой встрече Леда потерялась: глаза тамошних жителей походили на бездонные колодцы, где даже звезды не отражаются. Не за что зацепиться. Как вежливее — не задерживать на них взгляд или пялиться?

Как оказалось, Жоррару было все равно. Тогда он взял ее руки в свои, представился и улыбнулся — как улыбнулся и сейчас, обнажив ряды белоснежных подпиленных клыков. Но сегодня он не поднял чересчур длинных рук и не потянулся к пальцам Леды. Люди, выросшие в пещерах Сломанного рога, внимательнее многих.

Он поймал взгляд ее темно-карих глаз своими пятнами бездны и произнес единственную известную Леде фразу на своем языке:

— *Паутина коснулась тебя, но паук еще не пришел.*

* Побежалость — тонкая окисная пленка, которая в результате термической обработки металла или минералов образуется на поверхности и окрашивает ее в радужные цвета. *Прим. ред.*

На его родных островах эти слова обретали буквальный смысл: механоги столицы были прогрессивной и куда более быстрой копией гигантских пауков Дараккоа, страны под Сломанным рогом. Леда сжала задрожавшие кулаки: на них цвели узоры шрамов. Паутина действительно коснулась ее. Кто же будет пауком?

Жоррар повел плечами и скинул фрак, обнажив покрытые белыми пятнышками плечи: галактики, которым должно было гореть в его глазах, рассыпались по рукам. Половинка цилиндра чуть съехала набок, Жоррар поправил ее одним пальцем и оглянулся.

— Твоя зубáточка давно убежала, я думал, не явишься. Поднялась как-то ночью, припустила так... шустро. Не думал, что она вообще на такую скорость способна.

Леда застыла на месте, вопрос — вместе с нею. Алетея пропала, и, раз Жоррар так спокоен, значит, он того ожидал.

— Я... не говорила, куда собираюсь ее отправить?

Жоррар приподнял голые дуги бровей. Он не спросил Леду, что она сделала. Не спросил, почему столько ждала. Только чуть склонил узкую голову и прищурился, наблюдая, как Леда проходит в темное нутро механодепо.

— Нет, — легко донеслось ей вслед.

Леда откинула в сторону собранную сумку и опустилась на колени.

Алетея пряталась среди корней в дальнем углу депо, скрытая от любопытных глаз посетителей и механиков. Леда провела перчаткой по земле, в которой остались следы конструкта, вздохнула и зажмурилась. Ножницы фантомным грузом оттягивали карман. Здесь она впервые разрежала не тот узелок, здесь впервые влезла в созидательную перчатку не по размеру. И здесь же протянула нить, которая...

Точно!

Леда распахнула глаза и прищурилась. Да, восприятие ее притупилось, а руки дрожали и пульсировали при одной мысли о тяжести нити, но она все еще могла их видеть. Некоторые из них. Если постарается... ведь так?

Она бросила взгляд через плечо. Жоррара не было видно. Леду окружали только несколько конструкторов разной степени разобранности: половина новенькой сколопендры, разрезанной так точно, словно она попала под гильотину; многочисленные механоги с разным, но всегда недостаточным количеством конечностей; даже парочка воздушных скатов. Ни один из последних, впрочем, никогда не полетел бы — такая механика подкреплялась не только нитями; но этот секрет хранила другая часть Цеха. За конструкцией воздушных кораблей следили те самые мастера, что работали при дворе. В городские башни от них исправно приходили запросы на нитевую работу, но полную схему корабельного сердца Леде не суждено было увидеть, даже если бы ее не лишили ножниц. Некоторые секреты охранялись похлеще, чем тайна Гобелена Тысячи Причин.

Леда скинула перчатку с левой руки и аккуратно прижала ладонь к земле, стараясь лишний раз не глядеть на белые росчерки шрамов. Земля отозвалась привычным гулом: глубоко под Городом-Гроздью лежали карьеры Разрезов, откуда вытягивали магические нити и струны. Цех буквально стоял на источнике своего могущества. Леда охнула: гул пробрался в ее кости, чего не делал никогда. Виски закололо, но она упрямо стиснула зубы. Ладонь словно пронзило тысячей игл. В глазах потемнело, и Леда завалилась на бок.

Она пришла в себя в тонких руках Жоррара, который махал перед ее лицом половинкой цилиндра и явно что-то говорил. В ушах звенело, но...

— ...всех бы гнать оттуда сверху, выставили на все четыре стороны, конечно... Тебе стоило бы учиться в...

— Мне не стоило быть слишком самонадеянной, — пробормотала Леда и аккуратно села, держась за острый локоть Жоррара. От его цилиндра пахло солью и пряно-стями, и она, вопреки всему, улыбнулась. — Никогда бы не подумала, что ты так любишь острые блюда.

Жоррар замер — над его длинным носом появилась морщинка — и спросил:

— С чего ты?.. — Морщинка разгладилась, и темные скулы вдруг приобрели бордовый оттенок. — Ах, да. Пряности быстро заканчиваются, приходится постоянно мотаться на Всесветный рынок.

— Если тебе неудобно, ты мог бы просить меня. Не то что-бы я так часто здесь появлялась, но я знаю Миру, и...

— Нет-нет, я не настолько старый! — Жоррар снова обнажил клыки. В сочетании с поползшими по шее бордовыми полосами смотрелось это довольно угрожающе. Но не для Леды.

— Ты вообще не старый. — Она нахмурилась, отряхнула юбки, а потом наконец поняла: — О, дело в Мире!

— Дело вовсе не... — начал было Жоррар, а потом затряс головой — так яростно, что пара цветных прядей намоталась на его длинные уши. — Дело в том, что в вашем Цехе нет ни капли благости! Они что, и ножницы у тебя отняли?

Упоминание ножниц — ее инструмента, единственного, с чем она действительно могла управляться, — заставило Леду вернуться в настоящее. Запретный ритуал, пошедший

не так. Пропавший конструкт. И единственная зацепка, нить, которую она даже не сможет найти...

— Они расплавились, — прошептала Леда, не поднимая головы.

Жоррар молча встал и исчез за одной из увешанных старыми шестернями стен.

Леда огляделась. До депо верхних ветвей мастерская Жоррара, конечно, недотягивала, зато была почти уютной — хоть и походила на вспоротое брюхо гигантского чудовища. По углам располагались фонари-светляки, между которыми наверняка тянулась магическая нить, — как ни шурилась, Леда ее разглядеть не могла. Рядом со сколопендрой стояло несколько пыльных пуфиков. А за стеной...

— Вот!

Леда так засмотрелась на переливающиеся в случайных лучах света детали, что не заметила, как Жоррар вернулся. Теперь он нависал над ней, чуть склонив голову в ожидании. В его протянутых руках что-то блестело.

Леда охнула.

— Это... ножницы?

Жоррар скривился и, кажется, покосился в сторону входа — судить точно по его глазам-безднам было сложно.

— Как можно! Это... — Жоррар щелкнул крошечными ножничками, перевернул их лезвиями вниз и аккуратно пришил к высокому воротнику Лединой блузы. — Брошь! В память о Цехе, который так много для тебя сделал!

Леда опустила подбородок, силясь разглядеть подарок, а потом замотала головой.

— Я не могу...

— Это я много чего не могу. Куда больше, чем ты, Леда-Ледушка. Но будь осторожнее... это как идти по ножам.

Такого выражения Леда не знала, но суть понял бы любой. Она потянулась к броши — показалось, что пальцы наткнулись на невидимую стенку, но это было, конечно, неправдой. Когда затянутые в перчатки руки коснулись широких «ушей» ножниц — идеального круга, — Жоррара и след простыл. Про ножи уже не спросить.

Леда вздохнула. Это действительно была брошь — слишком изящная для настоящего инструмента, слишком тонкая и ненадежная. Но для поиска...

Леда взяла ножнички в правую руку. Передумала и переложила в левую. Стянула с правой перчатку.

Прикосновение обожгло так, что Леда чуть не выронила брошку, — едва удержала. Жоррар был неправ, это совсем не походило на хождение по ножам. Скорее на прикосновение к ледяному металлу в жуткий мороз, грозивший забрать себе немного твоей кожи.

Леда сморгнула слезы и выронила ножнички на левую руку. Тонкая, медно-серебристая, в самом деле похожая на паутину нить тянулась прочь из механодепо, петляла по улицам, ныряла под ветви, а потом бежала к воротам, и дальше, и дальше...

Леда не помнила, когда впервые увидела такую нить. Они всегда окружали ее — проступали, стоило чуть склонить голову и прищуриться. Но она помнила, когда узнала, что с ними можно делать. Когда слушала рассказы Старателя в далеком туманном городе.

Леда поднялась, схватила сумку и поспешно натянула перчатку. Пальцы болезненно пульсировали, зато теперь она знала, куда отправился механог. Туда, куда сама Леда никогда и не думала возвращаться.

— Буду должна, Жоррар! — крикнула она через плечо.

Тени снова облепили Леду, едва она ступила под ветви, и обнимали до самого шпиля. Они оставались с ней и наверху, когда она спешила по трапу, нервно приподняв плечи. И внутри, на скамье в самом центре корабля: почти все остальные пассажиры приникли к окнам, и Леда осталась наедине со своими мыслями, со столичными тенями и с будущим, которое плавно превращалось в прошлое.

В почтовом экипаже Леда соседствовала только с мешками писем и парой посылок, устроившихся в основании сиденья. Она перевела взгляд со спрятанных под перчатками рук на один из ящичков у ног. На нем чернела печать — почти выцветшие стрекозиные крылья. Универсальное обозначение: «Хрупко».

Дорога тут же напомнила о том, что она ведет во всеми забытый городок, и Леда спешно ухватилась за спинку сиденья. Ящик подпрыгнул вместе с ней и весело звякнул — будто его содержимое радо было освободиться от оков знака «Обращаться осторожно». Леда выдохнула и разжала ноющие пальцы. Часть деревянного сиденья осталась у нее в руке, и она несколько секунд пялилась на него, пытаясь понять, что случилось. Ну конечно. Только она могла попасть в кораблекрушение на суше.

«Не в первый раз за последнее время», — прошелестел внутренний голос. Леда сглотнула и прикрыла на секунду глаза, словно это могло спасти ее от того, что произошло. Что происходит. И что наверняка будет происходить, потому что теперь она не только не сможет вернуться в Цех, теперь она...

Экипаж снова трянуло, и Леда не успела схватиться за что-нибудь устойчивое — в руке она все еще сжимала отломанный кусок декора. Если бы не плотные слои юбок, на коленях зацвели бы синяки, а так Леда наверняка отделилась злобными полосками, которые вскоре исчезнут. Спрятав ругательство в рваный выдох, она подняла голову и взгляделась в узкую прорезь над головой кучера. Да что такое? Пейзаж не изменился: все та же удручающая серость без конца и края. Разве что...

— Уже приехали? — выдохнула Леда куда-то в угол экипажа, где из-под темно-синей обивки грустно выглядывали мягкие внутренности.

Интересно, что там с хрупким ящиком? На таких сухопутных волнах выжить непросто, даже если у тебя на боку красуется защита от небрежного отношения. Защита эта работает только с теми, кто знает, что стрекозиные крылья — не случайный рисунок, а указание. Но уж хозяин почтового экипажа должен в таком разбираться?

Леда опустила взгляд, чтобы ненароком не наступить на ящик и на мешки с письмами, один из которых расплескал содержимое по сиденьям и полу. Почти прилипнув к двери, она нашарила рычаг правой рукой — левая все еще ныла, особенно в такой мороси, — и открыла створку. Та распахнулась с легким скрипом, и Леда чуть не выпала наружу, прямо в...

...туман.

Он стелился покрывалом — так низко, что в нем тонула дорога, и поля, и песок. Только скалы, на пороге которых рос городок Леды, еще держались, пусть и были такими блеклыми, словно туман вытянул из них все и так немногочисленные цвета. Он всегда так выглядел? Как

ни пыталась, Леда не могла вспомнить: в ее голове родной город всегда был немного расплывчатым, но не из-за тумана же? Она покинула эти края уже сколько... шесть лет назад? Семь? За такой срок можно забыть и более яркие улочки. И более приятные моменты тоже.

Леда оглянулась: тракт позади экипажа казался нарисованным. Все, что не было подернуто дымкой, выглядело нереальным... Леда будто оказалась во сне. И не факт, что в своем собственном. Она многое бы отдала, чтобы все это оказалось сном.

— Почему остановились? — голос Леды утонул в тумане так же, как и всё вокруг, но возница ее услышал.

Он был невысоким и коренастым, наверняка выходцем из-за Хребта, — судя по ярко-рыжей бороде и фарлодскому имени — Нагрим. Он представился в самом начале пути и с тех пор не произнес ни слова. Сейчас борода его потускнела, словно туман в самом деле охотился на цвета.

— Т'ман, — буркнул он, словно это все объясняло, нырнул в экипаж и вытащил оттуда ящик со стрекозиными крыльями.

Несколько писем выпало следом за ним. Леда подняла их — струйки тумана, казалось, цеплялись за конверты, жаждали почитать чужие неведомые сплетни — и закинула обратно.

— Благ'д'рю, — мистер Нагрим проглотил несколько гласных и подтолкнул ящик ногой. Тот, к счастью, не издал никаких жалобных звуков. Леда подумала, стоит ли сообщить вознице о значении крыльев. Не оставит ли он ее тут, в тумане, за непрошенные ремарки? Вместо этого она расправила плечи и потянулась.

— И что, переждем?

Возница укоризненно глянул на нее — снизу вверх-вверх — и хмыкнул.

— Нет. — Он вытащил из экипажа сумку Леды и уточнил: — К'нечная.

Леда моргнула. Повернулась в сторону белесого моря, которое отделяло ее от города, а потом снова посмотрела на мистера Нагрима.

— Если на посылке нарисованы стрекозиные крылья, с ней нужно обращаться аккуратнее, — проговорила она, кивнув в сторону многострадального ящика. — Иначе могут запросить возмещение.

Мистер Нагрим посмотрел на ящик, прищурился, а потом пожал плечами.

— З'просишь?

Леда нахмурила брови.

— Я? С чего бы?..

— Вот и славн, — емко выдал он и запрыгнул на свое место — с ловкостью, которой на первый взгляд от него ожидать не стоило.

Он не стал прощаться, а Леда не стала спрашивать, что ей делать. Рядом лежала посылка, которую в городке явно кто-то ждал, — судя по расплывающейся надписи, из которой Леда смогла разобрать только название населенного пункта. И этот кто-то наверняка неплохо ориентировался в местном тумане.

Леда перекинула через плечо сумку, с которой ее вывели за ворота Цеховой башни, и тоскливо глянула на еле заметные стрекозиные крылья.

Если бы не они, ей не пришлось бы ждать стоя.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

